

и. С. ЦИТОВИЧ

Как я учился и работал у Павлова

Военно-медицинская академия в конце прошлого века (1898 г.) блистала европейски известными именами ученых (В. В. Пашутин, И. П. Павлов, М. Д. Лавдовский, А. П. Бородин, В. М. Бехтерев, покинувшие Академию И. Ф. Цион, И. М. Сеченов и др.). Еще большей известностью в Петербурге пользовались практики-клиницисты: С. П. Боткин, Евгений Павлов, К. Ф. Славянский, В. А. Манассеин, В. Н. Сиротинин и др. И все же чуткая студенческая молодежь старших курсов, выделяя Ивана Петровича, говорила нам, новичкам-студентам: «Вот подождите, на втором курсе познакомитесь с Павловым... Узнаете настоящих ученых».

Наконец дождались. В точно назначенное время торопливой походкой вошел в аудиторию Иван Петрович. Ответив на приветствие, он сел в кресло и сразу приступил к изложению предмета. Мы слушали и в то же время рассматривали его. Среднего роста, плотный, с широкой, окладистой, уже поседевшей бородой, он обладал юношески живой мимикой, звучным голосом, необычайно простой и в то же время яркой речью, умением подбирать слова, четко отображавшие то, что он хотел сказать и подчеркнуть в своей лекции.

Читая уже третий год курс физиологии, Иван Петрович отметил в своей первой лекции, что в современных учебниках его курс отображен плохо и что лекции поэтому лучше записывать. Трое студентов, в числе которых был и я, откликнулись на этот призыв и решили записать и издать лекции. Когда мы представились Павлову и сообщили ему об этом, он встретил нас чрезвычайно дружески, одобрил наше решение и обещал свою помощь. Он сказал нам, что главная задача заключается в том, чтобы составить компилятивный конспект, а исходя из описания опыта как научного факта, дать товарищам обоснования теоретических закономерностей функций органов и систем.

Так начались наш частые встречи с Иваном Петровичем не только на лекциях, но и в специальные часы просмотра наших записей. Так как из Военно-медицинской академии И. П. Павлов обычно торопился на свои опыты в любимый им Институт экспериментальной медицины, то для просмотра записанных нами лекций он выделял часы своего домашнего досуга.

Вспоминаю первую нашу всречу на квартире у Ивана Петровича. Признаться, мы шли к нему несколько робея. Когда же Иван Петрович приветливо принял нас в своем кабинете, усадил, да еще и угостил чаем, вся робость пропала, и мы принялись по очереди читать записанное. Помахивая своим пенсне, он внимательно слушал, вставляя замечания, одобряя, поправляя и уточняя выводы. Двое из нас благополучно прочли записи, однако когда принялся за чтение третий, Иван Петрович стал часто обрывать его, потом замахал руками и воскликнул: «Нет, это чепуха какая-то. Это надо переделать наново!» И тотчас же стал прощаться с нами. Мы все чувствовали себя тогда страшно неловко.

Первая неудача не имела серьезных последствий. Через несколько дней Иван Петрович снова пригласил нас к себе. С тех пор мы часто посещали нашего учителя.

Во время встреч живой и общительный Иван Петрович интересовался нашими студенческими делами, студенческим движением. Происходило это в памятный 99-й год, когда молодежь Петербурга активно участвовала в первых революционных выступлениях масс. За участие в уличной демонстрации 8 февраля студенты были избиты полицией и ответили на это забастовкой. Павлов, единственный из профессоров Военно-медицинской академии, понимал студенчество и сочувствовал ему.

Иван Петрович никогда не искал популярности и, насколько мне известно, не выступал на студенческих сходках и вечеринках. Однако нам хорошо было известно, что в академической среде он был ярым сторонником и защитником студентов.

Студенты платили за это Павлову горячей любовью и уважением. В резолюции бастовавших в 99-м году студентов Академии, осудившей поведение профессоров, было подчеркнуто единственно незапятнанное имя Ивана Петровича.

Павлов бесстрашно выступал за справедливость и против реакции не только внутри Академии. Известны его неоднократные выступления и по крупным научным проблемам. Монархическая суворинская газета «Новое время» предоставила тогда свои страницы для систематической травли Павлова и его сектора. Это серьезно угрожало научной работе Павлова и его положению в

Академии. Несмотря на это, Иван Петрович выступил в защиту вивисекции.

Поражала нас всегда его скромность. Живя далеко от Академии, он ездил в конке и нередко в хорошую погоду забирался на «империал». Общительный по характеру, он тут же заводил беседу на интересующую его тему — была ли это научная новость или общественное событие, он не стеснялся обсуждать тему во всеуслышание, а в те времена это было далеко небезопасно. Все это влекло к нему учеников.

Но было бы неправильно думать, что Иван Петрович не был требовательным. Студенты на лекциях по физиологии нередко были свидетелями того, как неудавшаяся демонстрация опыта вызывала со стороны Павлова бурю негодования по адресу ассистентов. Попадало иногда и тем студентам, которые были невнимательны или готовы были «на слово поверить профессору, чтобы не терзать только кролика или собачку». Много позднее мы поняли, что для него все эти опыты не были только шаблонной наскучившей иллюстрацией лекций, а ими он неустанно проверял и испытывал природу.

Но физиологический эксперимент надо было не только видеть, но и правильно понять; вот почему Павлов никогда не уставал подробно разбирать, разъяснять опыты, вдумчивые вопросы студента всегда радовали его и превращали лекцию в живую и яркую беседу. Прошли десятки лет, когда мне снова привелось случайно услышать его лекцию в Академии, и я видел, что Иван Петрович вел свое преподавание с прежним жаром, с прежним энтузиазмом. Это был его метод.

Интересен был Иван Петрович и как экзаменатор. Здесь, как и всегда, не было ни капли формализма. Студенты, любя его и читаемый им интересный курс, никогда не шли на экзамен без достаточной подготовки. Живо и спокойно проходили беседы, и никогда у студента перед лицом великого физиолога «не уходила душа в пятки». Правда, случалось, что студент скажет иногда такое, от чего Иван Петрович даже подскочит, но при этом всеобщее возмущение было настолько велико, что неудачнику оставалось только поскорее ретироваться.

Основная задача преподавания Павлова заключалась в том, чтобы передать свой курс с предельной ясностью, разъяснить целесообразность многочисленных реакций организма, свести их в одно стройное целое. Насколько восторженно принимал Павлов научные факты, настолько сдержанно относился он к разным гипотезам. Экспериментальный курс он считал единствен-

но правильным, всегда оправдывавшим себя при подготовке медиков.

Как педагог он понимал, что для будущего врача не столь важно, чтобы тот «вызубрил» курс физиологии, сколько необходимо, чтобы врач научился логически мыслить, а для этого глубокие знания надо связать с клиникой.

Считая крайне важным поддерживать научную связь со студентами старших курсов, Павлов объявил, что кроме лекций второму курсу он будет читать для всех желающих необязательный цикл лекций по новым вопросам физиологии. И вот в течение многих лет он совместно с биохимиком проф. А. Я. Данилевским систематически читал академический курс о новых завоеваниях в разрабатываемой им области науки. Эти интересные лекции посещали не только студенты, но и врачи и даже профессора.

Таким образом, на третьем курсе и я имел возможность, углубляя свои знания, снова слушать замечательные лекции Павлова, на этот раз по академическому курсу — о роли вагуса. Это знакомило нас уже не со студенческим курсом, а с методами научно-исследовательской работы и глубоко захватывало. Поэтому нет ничего удивительного в том, что я, а позднее и студенты Л. А. Орбели, А. И. Смирнов и другие решили испытать свои силы на исследовательской работе в лаборатории Павлова. До сих пор у него в лаборатории и в Институте экспериментальной медицины работали лишь врачи и докторанты, поэтому я не знал, примет ли он в свои стены рядового студента четвертого курса. Чтобы доказать серьезность своих намерений, я явился к нему с уже готовым планом своей темы, которая давно интересовала меня и касалась чувствительности нервных окончаний вкусового прибора. Сначала меня удивило, что профессор не забыл меня — составителя его лекций, радушно принял и внимательно выслушал мой план работы, не отверг его, ободрил меня, но нашел, что для начинающего работа будет трудновата. Поэтому через некоторое время он дал мне свою тему с тем условием, чтобы на опыты я приходил к нему в физиологическую лабораторию Института экспериментальной медицины. Излишне описывать глубокое волнение, охватившее меня при мысли, что я включаюсь в число работающих в лаборатории выдающегося ученого.

Явившись в назначенный час на Аптекарский остров, где помещалась знаменитая лаборатория Павлова, я увидел Ивана Петровича в окружении его сотрудников-врачей, с которыми он вел оживленную беседу, горячо жестикулируя и наступая на

спорившего с ним собеседника. Прислушавшись к разговору, я, признаться, был очень изумлен тем, что простой врач, даже не физиолог, а обыкновенный младший врач полка, приехавший подготовить диссертацию, дерзал оспаривать объяснение хода опыта. Другие сотрудники непринужденно поддерживали то одну, то другую спорящую сторону. Наконец, Павлов доказал ошибочность установки противников и, поздоровавшись со мной, повел меня в свой кабинет. Усевшись в кресло и усадив меня, он обстоятельно и понятно начал объяснять мне задачу исследования, заключающуюся в том, чтобы выяснить противоречия в действии пилокарпина, рассказал коротенько и о том, как надо поставить эти опыты на уже ранее оперированных собаках. Указав литературу, он спросил, читаю ли я по-немецки. Ответы удовлетворили его, и он, крепко пожав мою руку, сказал: «Завтра приходите на опыт, а статью я вам принесу».

На другой день в лаборатории меня уже ожидал ассистент Павлова А. П. Соколов, которому также было сказано, как и на какой собаке надо начать работу. С первых же слов Соколов сделал мне замечание по поводу получасового опоздания. Меня немного обидела такая придирчивость, которую я объяснил недоброжелательством с его стороны. Позднее я убедился, что замечание было вполне заслуженное, ибо сам Иван Петрович и вся лаборатория работали как часовой механизм. При существовашей в лаборатории строжайшей дисциплине мое опоздание действительно не могло быть оправдано.

Для первого моего опыта была доставлена собака, собрано все необходимое. Ассистент обстоятельно рассказал мне все детали: как и что надо наблюдать, как вести записи опыта, как избегать посторонних влияний. Незаметно бежало время. Соколов показал мне, как набирать точную дозу пилокарпина и делать подкожное впрыскивание. Наладив все это, он оставил меня одного, однако время от времени заходил в комнату и проверял меня.

Потом в комнату, где я работал, неожиданно вошел вернувшийся с лекции Иван Петрович. «А, здравствуйте! Ну, как дела? — спросил он. — Что вы сегодня делали, как ваше имя, отчество?»

Было удивительно, что, несмотря на многочисленность лаборантов, практикантов, докторов медицины, работавших в лаборатории, Иван Петрович всегда величал их по имени и отчеству, и я не помню ни одного случая, когда бы он ошибся. Общеизвестна его феноменальная память в отношении собранных его сотрудниками научных фактов и результатов опытов. Часто Павлов лучше помнил цифровые данные опытов, чем сотрудники,

проводившие их. И в отношении имен память Ивана Петровича была прямо изумительна: много десятков лет спустя, встречаясь с вами, он без труда не только узнавал, но и называл вас по имени.

Будучи студентом, я не мог ежедневно ходить на опыты, тем не менее правильное расписание было налажено, и почти всякий раз Иван Петрович заглядывал на опыты, обсуждал результаты и давал указания, как видоизменить или повторить опыт в дальнейшем. Самой замечательной стороной нашего пребывания в физиологической лаборатории была не только исследовательская работа, которую вел каждый из нас, а та атмосфера дружных поисков научной истины, которой была насыщена вся лаборатория и которую неустанно поддерживал Иван Петрович.

Как он это делал? Как он сумел привить своим многочисленным сотрудникам горячую и бескорыстную любовь и интерес к науке?

Прежде всего он был доступен для любого из своих учеников и никогда не отказывался от рядовой работы. Не говоря об операциях или вивисекционных опытах, на которых он нередко становился на место ассистента и доводил препаровку до конца, Павлов сплошь да рядом сам снимал, ставил в станок и выводил подопытных собак. Он связывал в одно целое интересы лаборатории с научными завоеваниями своих сотрудников: всякий новый научный факт, достижение или промах горячо обсуждались на общих наших собраниях, которые ежедневно совпадали с часами завтрака. В общий зал спускался из кабинета со своей кружкой чая Иван Петрович и руководил беседой по наиболее интересной теме. В лаборатории не могло быть и речи о том, чтобы кто-нибудь засекретил свое открытие или скрыл свои неудачи: успехи и ошибки делались общим достоянием; каждому было известно, над чем работает другой, какое освещение придается новым фактам, как можно толковать их иначе, какие перспективы открывают те или иные результаты. В те годы широко были развернуты работы по пищеварению, глубоко захватывая весь состав сотрудников лаборатории. Можно себе представить, как такая атмосфера расширяла кругозор попавшего сюда врача и особенно студента! Однако Павлова и его учеников волновали не только вопросы пищеварения. Любые события научной и общественной жизни находили здесь живейший отклик, особено у самого Ивана Петровича. Их совместно обсуждали и часто горячо спорили.

Беседы с Иваном Петровичем были весьма ценны для всех его сотрудников. Для меня лично многие из его утверждений были

откровением, так как круг моих знаний не выходил за пределы учебников. Многократно на разные лады подчеркивал он при всяком удобном случае великое значение научного факта, предостерегал от предвзятых мыслей, от насилования фактов, от поспешных заключений, ведущих к легковесным гипотезам. Насколько уважительно Павлов относился к фактам, настолько недоверчиво выслушивал он разные умозрительные заключения. «Слова так и остаются словами, пустые звуки!» — часто говаривал он в ответ на высказывания, не подкрепленные экспериментальным доказательством.

Темы его лабораторных бесед никогда не были узко связаны только с текущей исследовательской работой или физиологией вообще. Развивая мысль о научном искании, о настойчивом изучении научного явления, Иван Петрович подчеркивал значение страстности в этом деле. Он вспоминал свои переживания в период увлечения коллекционированием жучков и бабочек. Он говорил, как целые версты преследовал какую-нибудь бабочку, как он подкрадывался к ней, какое отчаяние охватывало его при неудаче и какой бурной была радость, когда пленница попадала в его руки.

Помню, однажды к вечеру, уставшие, медленно шли мы из лаборатории домой по Лопухинской улице (теперь ул. Павлова), вдруг сзади догоняет нас Иван Петрович и с места начинает распекать: «Эх вы, молодежь, где же ваш энтузиазм? Разве так надо стремиться к еде? Аппетит — это выражение страсти в акте еды, а вы еле плететесь!» — махнул рукой и быстро пошел вперед.

Необычайная эмоциональность натуры Ивана Петровича заставляла его, приходя в лабораторию, сначала, как мы говорили, «отреагировать» на то или иное событие, волновавшее или интересовавшее его в данный момент: было ли это событие в Академии, какая-нибудь политическая новость или научное открытие, иногда даже уличное происшествие. Все это сразу выкладывалось и делалось предметом обмена мыслями. Я вправе утверждать, что такие беседы безусловно имели и воспитательное значение.

Поступив в Академию после окончания гимназии, я, конечно, был увлечен открытиями естествознания: с захватывающим интересом слушал в изложении проф. Н. А. Холодковского учение и теорию Дарвина, но наряду с этим не умел сопоставить его учение с привитым мне раньше мировоззрением.

Как-то раз Павлов в одной из своих утренних бесед резко поставил вопрос о религии. В этот день, торопясь, как всегда, в лабораторию, занятый своими мыслями, он дважды чуть не

наткнулся на нашего студента-медика, который, идя впереди него, останавливался то перед часовенкой, то перед церковью и набожно осенял себя крестным знамением. С возмущением передавал нам это Иван Петрович: «Подумайте! Естественник, медик, а молится, как богаделка!». Атеизм Павлова произвел на меня сильнейшее впечатление и заставил иначе посмотреть на многое.

Большое значение придавал Иван Петрович тренировке организма и физическим упражнениям. Он горячо призывал нас вступить в гимнастическое общество, большим энтузиастом которого он был сам. Как физиолог не раз обосновывал он необходимость гармонии развития и деятельности центров умственного и физического труда. «Я неоднократно убеждался в том, что когда я, будучи сильно раздражен и взволнован во время опыта, сажусь за мышечную работу и начинаю вращать мех для искусственного дыхания животного, я быстро успокаиваюсь... Очевидно, равновесие восстанавливается», — часто говаривал Иван Петрович. «После любой физической работы я испытываю настоящую мышечную радость», — повторял он. И летние каникулы из года в год Иван Петрович стремился использовать для физического труда: он любил садовые и огородные работы, прогулки, езду на велосипеде, игры и т. п. «Даже простой механизм часов, — говорил Павлов, — требует отдыха, после чего часы идут гораздо правильнее. Что говорить о потребности такого сложного организма, как человеческий?»

Павлов умел как-то незаметно ставить на коллективное обсуждение ряд занимавших его вопросов. Особенно наглядно это было, когда во время моей работы в Институте (1900—1902) он проделал крутой поворот от пищеварения к области высшей нервной деятельности. Новые понятия, новые термины... Он и его ближайшие сотрудники собрали уже достаточно фактов, указывавших на то, что установленные ими явления проходят по типу рефлексов. Но какие это рефлексы? Чем они отличаются от общеизвестных рефлексов? Как их следует назвать? Помню, как, бывало, выйдя к ним или усевшись в кресло около работавшего в лаборатории своего старого приятеля проф. Г. А. Смирнова, Иван Петрович горячо и подробно обсуждал характеристику таких рефлексов, указывая, почему эти рефлексы как временные связи должны называться условными. Мало кто решался оспаривать это положение, но мне казалось, что Иван Петрович бывал особенно доволен, если слышал какое-либо возражение или замечание: оно давало ему возможность привести все новые и новые доказательства в защиту своего взгляда и,

может быть, еще полнее осветить изучаемый вопрос и устранить остающиеся у него сомнения.

Горячо волновали всю нашу лабораторию, особенно самого Ивана Петровича, новые открытия в науке, например, о двояком действии ферментов, первые наблюдения о влиянии гормонов в пищеварении, а позднее — учение о функции мозга и т. п. Эти новинки вносили тогда некоторый диссонанс в стройное учение Павлова о целесообразности реакций в «духе нервизма» и нервной корреляции, доказанной им. Но он понимал, что одними словами тут ничего не сделаешь, надо понять причины расхождения опытов у разных авторов или доказать ошибку оппонента. Коллективные обсуждения этих вопросов были необходимы ему для того, чтобы яснее наметить план проверки новых исследований. С особенной живостью, с большой настойчивостью он повторял опыты, критиковал получаемые результаты, волновался. Но в конце концов перед лицом полученных неопровержимых фактов он сдавался. Видно было, что сразу ему нелегко было отказаться от выкристаллизовавшейся стройной схемы, но истину он ставил всегда выше всего.

Отчетливо вспоминаю борьбу за выяснение секреторного аппарата поджелудочной железы. Замечательные опыты Павлова о секреторно задерживающих нервах англичане опровергали выдвинутым учением о секретине. Иван Петрович горячо принял к сердцу мнение англичан и поручил Савичу проверить опыты. Когда все было налажено, мы с интересом наблюдали, что получается. Иван Петрович был внимателен, весь ход опыта он наблюдал почти молча. Простой и наглядный эксперимент подтвердил факты англичан Бейлиса и Старлинга. Мы растерялись. Иван Петрович ничего не сказал; нахмуренный и сосредоточенный, он поднялся в свой кабинет. Сотрудники тихо высказывали Савичу разные предположения. К концу опыта вернулся и Иван Петрович. «Конечно, они правы, — задумчиво сказал он, дело сложное, не нам одним открывать новые факты». Видно было, что он сумел преодолеть этот удар по его стройному учению о нервной корреляции в пищеварении. Но он понял, что загадка поджелудочной железы еще не расшифрована, надо идти дальше. Убежденный опытами, он признал новое учение о гормонах, и позднее в его же лаборатории были показаны отличия тех морфологических изменений, которые дает железа под влиянием нервных и гуморальных раздражений (опыты Бабкина и Савича).

Личное обаяние Ивана Петровича было огромно. Проводя многие часы за интересными опытами в его лаборатории, ник-

то, разумеется, не скучал, тем не менее приход Ивана Петровича всегда создавал какое-то приподнятое настроение. Его всегда занимали новые мысли, настроения, наблюдения. Всем этим он охотно делился с собеседниками. Иван Петрович обладал, как кто-то из нас тонко подметил, особенной способностью «вслух думать». Вот почему мы всегда любили его беседы, и его мысли глубоко западали в память и учили нас. Насколько велико было влияние его на всех нас, можно заключить хотя бы из того, что не только мысли, но даже обороты его речи, его интонации и горячность в спорах, его жестикуляция так импонировали нам, что мы незаметно, невольно подражали ему.

Иван Петрович не выносил расхлябанности и небрежности, особенно в научной работе. При его пылком характере это иногда вызывало настоящие бури. Он жестоко негодовал, если из-за небрежного отношения к приборам, от нерадивого отношения к подопытным собакам не удавались опыты, получались неудачи при операциях, т. е. наносился, по убеждению Павлова, вред истине и науке. Но строго относясь к своим ученикам, Иван Петрович бывал так же строг и к самому себе. Мы были неоднократно свидетелями того, как во время операции, перерезав, например, нечаянно сосуд, порвав какой-нибудь отпрепарированный пучок, он вслух ругал на этот раз уже самого себя: «Эх, черт меня подери! Такую вещь испортил!» Окружающие при этом моментально подтягивались, так как в такую минуту легко было попасть под «горячую руку».

Величайший мыслитель, Павлов был и замечательным хирургом. Еще Тигерштедт, вспоминая об его операциях, говорил: «Небольшие операции Павлов так быстро кончал, что окружающие думали, что операция только еще начинается». Менялично операции Павлова поражали своим изяществом, гармоничностью плана, из которого видно было, что анатомические отношения и весь ход операции продуман от начала до конца. И это при таких заданиях, как экковский свищ, изолированный желудочек, мозговые операции и т. п. Мне впоследствии приходилось видеть работу многих выдающихся хирургов, но изящество хирургической работы Павлова всегда оставалось непревзойденным.

С удивлением наблюдали мы и его искусство в вивисекционной технике. Павлов часто не только сам начинал и показывал методику препаровки, но при сложных лекционных демонстрациях, особенно в опытах по иннервации поджелудочной железы и по центральным нервам сердца, Иван Петрович постоянно приходил на помощь своим опытным ассистентам. В такие дни

обыкновенно он всегда приходил на лекцию раньше, и то, что не давалось другим, в руках Павлова увенчивалось полным успехом. Совершенно нетерпимо было для него, когда опыт смазывали, когда опыт шел неясно; тогда он, недовольный, требовал, чтобы в следующий лекционный день опыт был повторен для студентов более ярко. Иван Петрович не любил очень сложной постановки опытов с громоздкой аппаратурой, в которой студент легче запутается, чем схватит основную идею опыта, поэтому выбранные им лекционные опыты всегда были гениально просты.

Что касается обязательных практических занятий, то ни в мое время, ни после физиологического практикума у Павлова их не было. Почему? Вначале у него не было для этого штатных помощников; поэтому он, вероятно, предпочитал, чтобы ассистенты имели больше времени для своей научной работы. Однако, признавая пользу практикума, Иван Петрович примерно с 1913—1914 гг., после постройки новой лаборатории, ввел такой практикум в Военно-медицинской академии.

Следует остановиться на одной существенной стороне деятельности Ивана Петровича — на его отношении к процессу развития заданной научной темы. Во всех наших исследованиях красной нитью проходила мысль самого Павлова. Сотрудник мог, показывая шефу результаты опытов, высказывать пожелания или намерения, причем нужное моментально санкционировалось, если совпадало с мыслью Павлова; в противном случае возникал спор, который редко кончался победой сотрудника.

Можно было, конечно, продолжать убеждать, добиваться, но обычно смельчаков идти наперекор Павлову не находилось.

Ивану Петровичу, как мне казалось, нравилась инициатива, но он не мог широко допускать ее, так как это мешало бы развороту его научной идеи, которая развивалась по определенному плану, оплодотворяла и направляла весь исследовательский аппарат его лаборатории.

Его современное учение о процессах концентрации и иррадиации в коре больших полушарий, мне думается, очень подходит для объяснения его состояния. Собственные планы и поиски новых удачных комбинаций опытов для познания природы радовали и торопили в лабораторию нашего неутомимого экспериментатора. Другие планы, идущие вразрез с его целеустремленностью, решительно отклонялись. Особенно ярко это выражалось в отношении к условным рефлексам, когда некоторые пытались объяснить их с точки зрения психологии.

Никогда не забуду одной нашей беседы, когда я после пятилетней жизни в провинции снова попал в лабораторию Павлова.

Дружески встретив меня, Иван Петрович сжато и увлекательно рассказал мне о тех достижениях, которые завоеваны лабораторией за время моего отсутствия в новой области условных рефлексов. Я был, конечно, очарован этими успехами, так как понимал, что вырастала новая глава физиологии. Однако так как я был еще из старой плеяды сотрудников «пищеварительной эпохи», то и высказал мысль, что наряду со слюнными рефлексами было бы интересно получить условные рефлексы с желез желудка. Что тут было! Иван Петрович вскочил и, размахивая руками, стал меня бранить. «Эх вы! Вот и видно, что основного в нашем направлении не поняли. Ведь весь смысл его в том, что слюнная железа стоит на границе с внешним миром, поэтому-то она так чутко и реагирует на всякие раздражители. А вы тут с желудком...» Долго убеждал и доказывал мне это Павлов. Сконфуженный, я замолчал. Однако я не отказался от своей мысли и начал упорно работать в этом направлении. Через 2 года после нашего разговора, когда я в своей диссертации доказал возможность условнорефлекторной деятельности желез желудка, пришла очередь удивиться Ивану Петровичу. И он, как всегда, неизменно справедливый перед лицом фактов, остался доволен и даже ратовал за то, чтобы мне была присуждена за эту работу премия имени Павлова, которую я действительно и получил.

Сосредоточивая все свое внимание, все свое мышление на разрабатываемом вопросе, критически оценивая его, Иван Петрович временами любил мысленно приблизить тот желанный момент, когда разрабатываемая им проблема станет общепризнанной, любил предсказывать перспективы этой проблемы. Однако все это отнюдь не было фантазией, а всегда логически вытекало из добытых фактов.

Занимаясь вопросами кровообращения, как всем известно, он не только открыл новую пару управляющих сердцем динамических нервов, но и высказал догадку, что усиливающий нерв изменяет трофику ткани. Полвека спустя из этого выросло целое учение о трофике. В период исследований в области пищеварения при общем обсуждении найденных фактов Иван Петрович постоянно говорил об использовании их для клинических целей. Эти мысли изложены в его труде «О работе главных пищеварительных желез» и в речи, посвященной С. П. Боткину, где начертана грандиозная программа экспериментальной терапии, к сожалению, не развернутая до сих пор с той полнотой, какую намечал Павлов.

Как и в научной работе, Иван Петрович любил сам составлять себе представление о своих сотрудниках. Я не знаю ни одного случая, когда бы Павлов или собирал какие-либо сведения о

допускаемом к работе новом сотруднике лаборатории, или экзаменовал его; по крайней мере так было в мое время. Но особенности каждого Иван Петрович прекрасно подмечал в процессе работы. Это ему и нужно было для правильной расстановки сил. Порой он как бы проверял сложившееся у него мнение о работнике. Подобный случай произошел со мной уже на втором году моей работы в лаборатории. В ту пору я изучал влияние алкоголя на пищеварение. Иван Петрович был доволен полученными результатами и не раз говорил об этом остальным сотрудникам, вызывая обмен мыслями. Однажды, придя утром и ознакомившись с моими новыми результатами, он неожиданно огорошил меня таким вопросом: «А скажите, кстати, Иван Сергеевич, это не отец ли ваш профессор Цитович, не родственник? А кто ваш отец?» Когда я ответил, что о таком профессоре я не слыхал, что мой отец скромный железнодорожный служащий, Иван Петрович улыбнулся и громко сказал подходившим отовсюду сотрудникам: «Идите-ка! Интересная история, как нашего Ивана Сергеевича заподозрили в том, что он к нам подослан чуть не министром финансов!»

Еще несколько слов о научной продукции Павлова. Если судить по той огромной экспериментальной работе, по тем переворотам в науке, по тем новым главам физиологии, которые созданы им, можно было бы ожидать целого потока докладов, статей, отдельных работ. Но дух павловской школы заключался не в количестве, не в объеме, а в качестве научной работы. Выразительность, наглядность доклада и статьи Павлов ценил, велеречивость же и разглагольствования он считал пустым делом. Приведу пример, ярко характеризующий это. После просмотра материала моих первых опытов Иван Петрович решил, чтобы я выступил с докладом в Петербургском обществе русских врачей. «Только помните, — сказал он, — доклад не затягивать — минут на десять, а рисунки мне покажите». Любовно отнесся я к подготовке первой своей работы: написал доклад и особо усердно нарисовал красками большую таблицу. Когда я принес ее Павлову после лекции, он, взглянув, сразу пришел в восторг: «Ах, вот вы какой живописец! Вартон Иванович, Лев Борисович, идите-ка сюда, посмотрите, как расписал! Все ясно, как на ладони!» Наглядность была одобрена, но после моего доклада Иван Петрович был недоволен, хотя доклад и прошел хорошо. На другой день он сказал мне: «А доклад все-таки затянули». Я читал его действительно минут 15, по неопытности мне было трудно точно рассчитать время.

Павлов весьма строго относился и к оформлению научных работ. Сжатое и деловитое изложение фактов, увязанное с ли-

тературными взглядами, и строго обоснованные выводы характеризуют все диссертации павловской школы. В одной из своих работ я приводил многочисленные ссылки на литературу, полемизировал с авторами, рисовал перспективы, показал значение выводов для практической медицины, словом, «настрочил» толстую тетрадь. Когда я взял ее, чтобы зачитать Ивану Петровичу, он невольно откинулся на спинку стула, как всегда кулаками протер глаза и спросил меня: «Что такое? Чего вы там расписали? Покажите-ка!» Недоверчиво взяв тетрадь, он бегло перелистал ее: «Ну-ка! Прочитайте, что там такое!». И очень скоро искусный оператор без сожаления выкидывал главу за главой, оставив меньше половины. Павлов утешал меня: «Слова, батенька, словами и остаются, пустые звуки; вы давайте факты, это будет материал ценный».

Так фильтровались у него все научные работы. Почти всегда он любил не прочитывать, а слушать работу, тут же выяснял неточности, требуя объяснения и подтверждения материала сделанными опытами. Нередко возникали бурные дискуссии, и тогда Иван Петрович, пользуясь своей блестящей памятью, опровергал приводимые диссертантом цифры и положения. К своим собственным работам он относился еще строже. Поэтому его работы невелики по объему, но классически богаты по своему содержанию. Его «Лекции о работе главных пищеварительных желез» являются образцом сжатого и в то же время блестящего изложения 15-летних опытов, опрокинувших старое учение о пищеварении.

С особенной осторожностью он отнесся к изданию результатов своих исследований по условным рефлексам. Даже после 10 лет напряженной работы Павлов все еще не давал своего обобщающего труда в печать, считая его недостаточно созревшим. В 1916 г., сломав ногу, Иван Петрович 2 месяца был вынужден лежать в постели. Тогда он принялся за написание работы об условных рефлексах. Однако написанное не удовлетворило строгого автора.

В течение последующих 10 лет собирался все новый и новый материал, результаты которого наконец были изложены в книге «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных». Позднее были выпущены в свет «Лекции о работе больших полушарий головного мозга».

Каким замечательным образцом научного работника был Павлов для своих учеников!

